чем все структурные элементы правовой политики в той или иной степени являются элементами правового механизма формирования целостной правовой политики определенного содержания и направленности.

***

1. Гавриков В.П. Теория государства и права: учебник и практикум для академического бакалавриата / В.П. Гавриков. – И.: Издательство Юрайт, 2019.
2. Короткова О.А., Комиссарова А.Н. Механизм государственного управления: комплексное исследование на примере Калужской области // Вестник калужского университета. 2020. № 1. С. 20-24.
3. Философский энциклопедический словарь / Ред. С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989.
4. Шайкенов Н. А. Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск, Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 200 с.

Мирзаева А.А.

Несостоятельность (банкротство) юридического лица как мера юридической ответственности

*Московский финансово-юридический университет МФЮА
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-234

idsp: ljjournal-11-2020-234

Аннотация

Настоящая статья направлена на рассмотрение существа и значения института несостоятельности (банкротства) как меры правовой ответственности. Констатируется дискуссионность подобного трактования. Отмечается трансформация подхода правоприменителя к санкционному характеру категории банкротства и возможность на данном этапе наложения санкций и на контролирующих должника лиц.

Ключевые слова: мера ответственности, банкротство, ответственность контролирующих лиц.

Abstract

This article is aimed at considering the essence and significance of the institution of insolvency (bankruptcy) as a measure of legal liability. The author States that this interpretation is controversial. The author notes the transformation of the law enforcement approach to the sanctioned nature of the bankruptcy category and the possibility of imposing sanctions on the debtor's controlling persons.

Keywords: measure of responsibility, bankruptcy, responsibility of controlling persons.

Признание состояния несостоятельности (или банкротства, рассматриваемого в нашем правовом поле как полностью тождественное первому явление) уже прочно устоялось в качестве особого социально-экономического феномена, который позволяет решить целый ряд исключительно практически значимых задач.

Вообще формирование представления о существовании какого-либо социально-экономического и правового явления достаточно сложная задача, требующего адекватного анализа изучаемой категории и отражения в таковом всех родовых признаков в обобщенной форме.

Общеизвестно, что правовые основы регуляции отношений в этой сфере закреплены специальным актом – ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ о банкротстве) [1]. Однако этот акт не позволяет четко определить природу исследуемого инструмента.

Более того, как верно отмечает, С.А. Карелина имеет место многообразие подходов к определению понятия данных явлений [2; С. 105]. Она же отмечает, что исследование и данной проблематики имеет значимость не только доктринальную, но и сугубо практическую.

Итак, существующий круг позиций по данному вопросу можно обозначить следующим образом:

- как особое состояние имущества должника (когда объема имущества должника недостаточно для покрытия долговых, «минусовых», обязательств);
- как особое состояние должника (полагаем, это состояние наличия долговых обязательств без возможности их своевременного погашения);
- как особая процедура;
- как мера (форма) юридической ответственности.

В отношении банкротства чаще всего правоведы, преследуя исключительно практические интересы, определяют таковое как процедуру. Солидаризируясь в целом с данными позициями доктриналистов, отметим, между тем, что несколько ошибочно определять существо несостоятельности через описание его как процесса. Уяснению должно подлежать именно функциональное назначение несостоятельности.

Рассматривая несостоятельность как доктринальную категорию, полагаем, следует начать с правил Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [3], закрепляющего существо концепта юридического лица (которое чаще всего занимает место должника в указанном процессе). Помимо определения правового статуса такового, этот же акт устанавливает два этапа «цикла жизнедеятельности» юридического лица – учреждение и прекращение в форме реорганизации или ликвидации.

Действующее на сегодняшний день законодательство не раскрывает содержание понятия «ликвидация юридического лица», ограничиваясь только положением п. 1 ст. 61 ГК РФ о том, что такое явление влечет его прекращение без перехода прав и обязанностей в порядке правопреемства к другим лицам.

Традиционно ликвидация определяется как особая форма или способ прекращения деятельности коллективного субъекта права [4; С. 140]. Кроме того, ликвидация юридического лица в некоторых исследованиях рассматривается и как «суровая санкция, применяемая к организации в случае нарушения ею правопорядка» [5; С. 120]. В общем-то трактование вполне обоснованно, но безусловно оно может быть применено не ко всему объему ликвидационных процедур, а лишь тех, что инициируются не самим юридическим лицом. Вариацией таких, «внешних», случаев является банкротство.

С ответственностью несостоятельность роднят следующие признаки.

Во-первых, имущественные последствия несостоятельности не выгодны для должника. Он лишается права заниматься предпринимательской или иной хозяйственной деятельности, получать прибыль и многое другое.

Во-вторых, процесс несостоятельности проводится принудительно.

В-третьих, проведение процесса банкротства имеет не только частно-правовое, но и публичное значение.

Итак, если рассматривать случаи несостоятельности как меру «высшего порядка» для определенного субъекта правового поля и защиты его контрагентов, то закономерно возникает резюме о характере института несостоятельности как особого проявления именно юридической ответственности.

Однако весьма спорно отнесение такой ответственности к цивилистической [2; С. 17]. В отличие от классического трактования существа правовых санкций, банкротство хотя и направлено на возмещение денежных притязаний, но не возлагает каких-либо имущественных, дополнительных санкций на нарушителя [6; С. 55].

Потому более обоснованной следует считать позицию об отнесении банкротного санкционного потенциала к разновидности ответственности организационной [7; С. 47]. В такое трактование укладывается и тот факт, что цель несостоятельности имеет и публичное звучание – поддержание «здоровой» экономической среды.

Отметим, что само по себе признание лица банкротом вовсе не гарантирует удовлетворение интересов кредиторов. Зачастую должник не обладает имуществом, а, следовательно, цель реализации изучаемого института оказывается не достижимой. И не всегда такой итог является результатом исключительно объективного рода обстоятельств оборота; напротив – в отдельных случаях причиной становятся умышленные действия учредителей или иных лиц, которых принято именовать «контролирующими».

В качестве правового механизма ограничения риска кредиторов законодатель ввел ответственность таковых [8; С. 12]. Ее основанием является доктрина «снятия» или «прокалывания» «корпоративной вуали». Случаи привлечения к ответственности контролирующих лиц, на основе положений ФЗ о банкротстве, могут быть дифференцированы на две группы – те, что связаны с собственными действиями такого субъекта (в частности, не предоставление финансовой отчетности) и те, что можно именовать истинно субсидиарными (в таком случае ответственность возникает ввиду неразумных и недобросовестных действий, приведших к состоянию несостоятельности должника). В данном контексте ФЗ о банкротстве употребляет термин «ответственность» в его классическом понимании.

В противовес позиции о несостоятельности как особой мере ответственности, можно отметить, что действующее законодательство предусматривает и возможность не только «смерти» должника, но и реализацию реабилитационных процедур, итогом которых может быть и сохранение полноценного субъекта хозяйствования, и удовлетворение интересов кредиторов.

Действительно, это идеальный вариант развития событий, столь редко встречаемый на практике и внешне сложно расцениваемый как вариант ответственности. Между тем, стоит понимать, что санация или мировое соглашение не могут автономно реализовываться руководителями или учредителями должника: мнение суда и арбитражного управляющего имеет подчас самое решающее значение. Полагаем, такой вариант проведения процесса несостоятельности также следует рассматривать как проявление организационной ответственности.

Таким образом, наиболее ярко санкционный потенциал института ликвидации юридического лица проявляется, как нам кажется, именно при проведении процесса несостоятельности (точнее, его общей направленности). Анализ действующего законодательства, особенно в свете его трансформаций, позволяет сделать вывод об обоснованности подхода рассмотрения института несостоятельности как меры ответственности.

В завершение нашего исследования полагаем возможным подчеркнуть, что косвенным аргументом в пользу указанной нами точки зрения являются последние поправки нормативного массива [9], согласно которым из-за «ковидных» последствий значительный круг предпринимателей получили иммунитет от возможности инициирования в отношении них процедур несостоятельности. Фактически, это означает некое нивелирование ответственности ввиду обстоятельств непреодолимой силы, что безусловно присуще именно институту ответственности.

***

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [в ред. от 10.03.2020] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
2. Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 568 с.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [ред. от 31.07.2020] // Собрание законодательства РФ. – 1994. – N 32. – Ст. 3301.
4. Гражданское право: Учебник / О.В. Гутников, А.С. Гутникова, С.Д. Радченко и др.; под ред. О.Н. Садикова. – М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2006. – Т. I. – 493 с.
5. Борисов А.Н. Защита от принудительной ликвидации юридического лица по искам государственных органов. – М.: Юстицинформ, 2007. – 272 с.
6. Добровинская А.В. О мерах гражданско-правовой ответственности за нарушение законодательства о защите конкуренции // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2019. – № 3. – С. 54 - 59.
7. Бруско Б.С. Категория защиты в российском конкурсном праве. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 200 с.
8. Шишмарева Т.П. Основания и условия привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника и иных лиц в процедурах несостоятельности (банкротства) // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 7. – С. 3 - 8.
9. Постановление Правительства РФ от 1 октября 2020 г. № 1587 «О продлении срока действия моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников» // СПС «Консультант-Плюс».

Мошин А.М.

**Проблемы оказания медицинской помощи сверх объема, установленного
территориальной программой обязательного медицинского страхования**

*ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В.
Ломоносова»
(Россия, Архангельск)*

doi: 10.18411/lj-11-2020-235

idsp: ljjournal-11-2020-235

Аннотация

В статье рассматриваются правовые основы и законодательные проблемы распределения объемов оказания медицинской помощи по территориальной программе обязательного медицинского страхования. Рассматривается проблема противоречия законодательства в сфере обязательного медицинского страхования в сфере распределения объемов оказания медицинской помощи.

Ключевые слова: обязательное медицинское страхование, территориальный фонд, медицинская помощь, объем медицинской помощи, финансовое обеспечение.

Abstract

The article deals with the legal framework and legislative problems of distribution of health care volumes for the territorial program of compulsory health insurance. The problem of conflicts of legislation in the field of compulsory health insurance in the area of distribution of the volumes of medical care.

Keywords: compulsory medical insurance, territorial fund, medical assistance, volume of medical assistance, financial support.

В соответствии со ст. 37 Федерального закона от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [1] (далее – Федеральный закон № 326-ФЗ) право застрахованного лица на бесплатное оказание медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию (далее – ОМС) реализуется на основании заключенных в его пользу между участниками обязательного медицинского страхования: договора о финансовом обеспечении ОМС и договора на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС.

Согласно ч. 19 ст. 38 и ч. 11 ст. 39 Федерального закона № 326-ФЗ договоры между участниками ОМС заключаются по формам типовых договоров, утвержденных федеральным органом исполнительной власти по согласованию с федеральным